
Елена Русанова
Лина Каттен
ИЗМЕНА
Ты предал нас дважды
18+

Елена Русанова
Лила Каттен

Измена. Ты предал нас дважды

https://litres.ru/74727972
SelfPub; 2026

Аннотация

- Когда ты собирался мне сказать, что у тебя есть сын?

Звенящую тишину нарушает его стальной голос. Но в ответ я слышу ни извинения, ни объяснения, а то, что никак не укладывается в голове.

- Тебя это не касается.

***

Звонок из реабилитационного центра делит мою жизнь на до и после, открывая шокирующую правду: мой муж оплачивает лечение мальчика, которого сотрудники центра называют его сыном.

Мир, построенный на любви и доверии, рушится в одно мгновение, оставляя после себя лишь горький вкус предательства. Если бы я только могла представить, что это не все «сюрпризы», приготовленные моим мужем...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Елена Русанова
Измена. Ты предал нас дважды

Глава 1

Утро начиналось просто идеально. Наконец-то долгожданный отпуск. Солнечные зайчики плясали на стенах спальни, а за окном щебетали птицы. Потянувшись в постели, сладко зевнула и с наслаждением осознала, что не нужно никуда бежать, ни перед кем отчитываться и можно посвятить весь день исключительно себе.

Сегодняшнее утро началось для меня с приятных сюрпризов. На прикроватной тумбе обнаружила букет моих любимых альстромерий нежно-розового цвета. К букету полагалась записка, написанная мужем, содержимое которой не только удивило меня, но и задало тон всему дню.

«Доброе утро, любимая. Было очень жалко тебя будить, поэтому не стал и твой будильник тоже отключил. Завтрак тебя ожидает на кухне. О Дашке не беспокойся. Сам отвезу её в сад. Хорошего тебя дня. Увидимся вечером. Уже скучаю. Навсегда только твой. Артём»

Вдыхая аромат любимых цветов, ловлю себя на мысли,

как прекрасно порой просто наслаждаться мгновением. В этот момент передо мной открывается целый мир возможностей: я могу читать книги, гулять по парку или просто лежать на диване, слушая музыку. В голове возникают планы на грядущие дни моего отпуска, лёгкие и звонкие, как смех детей, играющих на площадке.

Решила начать этот день с йоги, которую так любила. Тем более сейчас никто не мешал настроиться. Включив умиротворяющую музыку, приступила к процессу. Вокруг меня царила атмосфера спокойствия и гармонии. Все заботы и тревоги отошли на второй план, уступив место внутреннему покою и оставив ощущение наполненности энергией.

И лишь непонятный писк внёс дисгармонию в моё умиротворение. Прекратив практики, открыла глаза и попыталась понять откуда следует этот звук, похожий на один из базовых рингтонов для мобильных. Прислушавшись, поняла, что звучание исходит из прихожей, а точнее, из шкафа для верхней одежды. Открыв его, обнаружила на верхней полке мобильный телефон.

- Странно. Интересно, чей он? - размышляла вслух. Это точно не Артёма, и уж тем более не мой. У нас с ним телефоны из лимитированной коллекции яблока в парном оформлении.

На дисплее высветился городской номер, который никак не определялся. Пока я пребывала в раздумьях, вызов завершился, но вскоре повторился вновь. Женское любопытство

взяло вверх, поэтому, не теряя больше времени, отвечаю на звонок.

- Слушаю вас.

- Добрый день. Это центр восстановительной терапии «Возрождение», - прозвучал вежливый молодой голос. - Скажите, возможно ли пригласить к телефону Артёма Романовича?

Интересно, что это за центр? И какое отношение мой супруг имеет к этому учреждению?

- Извините, а зачем он вам? - решаю спрашивать прямо и не тянуть резину.

- Простите, но это конфиденциальная информация, я могу говорить только с Артёмом Романовичем, или его доверенным лицом.

Такое заявление озадачило меня. Что за тайны скрывает от меня Артём?

- Я его жена. Скажите, этого достаточно, чтобы узнать зачем вам мой супруг?

- Ой, простите, пожалуйста, не узнала вас по голосу. Видимо, что-то со связью. - моему удивлению просто нет предела. - Мы бы хотели узнать, когда ему будет удобно подъехать для подписания документов на реабилитацию. А также напомнить, что подходит срок оплаты курсов для Владислава Артёмовича. Вы планируете произвести оплату на этой неделе?

Я замерла, ничего не понимая.

- А можно уточнить момент, о какой именно реабилитации идёт речь? - я настолько сбита с толку, что не придала значение высказыванию о нашем с ней знакомстве. Хоть это совершенно невозможно.

- Расширенный курс. Класса «А». С комфортным проживанием на месяц. Впрочем, как и всегда. - вводит в шок ответ девушки.

Присев на пуфик, и вдыхая свежий воздух, не могла поверить в то, что продолжает говорить эта девушка.

Странно. Почему он раньше не рассказывал мне об этом? Я знала, что его работа требовала много времени и сил, меценатство открывало сейчас новую грань его личности, о которой я даже не догадывалась.

И это её «как и всегда» вбивает в меня ещё больше сомнений.

- Девушка, а о какой сумме идёт речь? - задерживаю дыхание от волнения, ожидая ответа. А получив его, с трудом делаю новый вдох.

- С учётом перерасчёта сумма за курс составляет четыреста тысяч рублей. - сказать, что я обалдела это ничего не сказать.

Откуда у него вообще такие деньги? Нет. Он, конечно, прилично зарабатывает. Но чтобы у него в свободном доступе были такие суммы... нет, здесь точно какая-то ошибка.

- Скажите. А можете перепроверить информацию? Возможно, вы просто ошиблись? Мой супруг не может быть

спонсором подобных мероприятий. Вы что-то перепутали.

Возможно, что это всего лишь ошибка? А я уже себя накрутила? Но время ожидания, казалось вечностью.

- Так, минуточку. Медведев Артём Романович, верно? - мне становится дурно, ведь такие совпадения - редкость, и значит, не сулит мне ничего хорошего.

- Верно. - проговариваю с некой опаской.

- Тогда всё точно. Он отец Наумова Владислава Артёмовича. И оплачивает каждую его реабилитацию. - в голосе девушки послышалась лёгкая обеспокоенность, будто она боялась, что её подозревают в мошенничестве. - Заявление и договор оформлял Артём Романович, этот номер был указан для связи. Всё в порядке?

Что?! Я не могу поверить в услышанное. Мой мир сузился до точки. Какое к чёрту нормально?! Она сказала, отец? У моего мужа есть сын? Вопросов в моей голове так много, что я перестаю слышать всё то, что вещает сотрудница центра.

И только сейчас до меня доходит тот факт, что девушка называет имя мальчика уже не в первый раз, но я не придала изначально этому внимания.

- Алло... Вы меня слышите? - с волнением интересуется девушка.

- Да... слышу... Артём Романович вам сам перезвонит. - каким-то образом выдавила из себя и сбрасываю звонок.

Присаживаюсь на диван и откидываю телефон на журнальный столик, словно тот заразный. За что он так со мной?

С нашей дочерью? Идеальное утро рассыпалось в прах, оставив после себя горький вкус обмана и ледяную пустоту. Солнечный свет теперь казался насмешкой, а тишина — зловещей. Отпуск был испорчен, как и вся жизнь. Я даже не знала, сколько уже длится этот страшный спектакль, в котором мне была отведена роль счастливой жены.

Глава 2

Я сидела на диване, но чувствовала себя так, словно меня сбросили с высоты. Тело было здесь, а сознание — где-то далеко, наблюдая за этой сценой со стороны. Телефон, который я отшвырнула на столик, казался сейчас чем-то враждебным. Я смотрела на него и не могла пошевелиться. Внутри всё сжалось в тугой, болезненный ком.

«Отец». Это слово пульсировало в висках. Отец чужого мальчика, сына. Его сына.

Я судорожно выдохнула, понимая, что забыла, как дышать. Грудную клетку словно сдавило стальным обручем. В ушах всё ещё звучал тот вежливый, будничный голос девушки из центра. Она сказала «как и всегда»! Сколько раз это уже происходило? Сколько реабилитаций? Сколько месяцев или лет он тайком приезжал к нему? К ним?

Нет. Не может быть. Всё во мне отказывалось принимать эту информацию. Мои ноги сами понесли меня в спальню. Я не отдавала себе отчёта в движениях. Руки дрожали, когда я открыла дверцу его комода. Всё аккуратно, как у педанта. Носки, рубашки, запонки. Я вытаскивала стопки белья, бросала их на пол, не заботясь о порядке. Я искала… что? Доказательства? Улики? Ту самую деталь, которая скажет мне: «Ты не сошла с ума, это правда».

Я перерыла всё: каждый уголок, каждый ящик его стола.

Я открывала папки с документами, просматривала бумаги, хотя уже понимала — если он так долго скрывал это, он не будет хранить доказательства у меня под носом. И всё же я продолжала, словно в лихорадке, потому что если я остановлюсь, мне придётся признать то, что уже знало моё нутро.

Плюхнувшись на пол посреди разгромленной комнаты, я обвела взглядом руины нашего «идеального» порядка. Где я была все эти годы? Почему не заметила?

- Как ты мог, Артём? - мой шёпот растворился в тишине. - Как же так?

Я закрыла лицо руками, и в этот момент из горла вырвался не звук, а какой-то звериный всхлип. Меня трясло. Я обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, но она только усиливалась. Раскачивалась вперёд-назад, как тяжелобольная, пытаясь убаюкать ту невыносимую боль, что разрывала грудную клетку изнутри.

А потом до меня дошла вся ирония. Его записка. «Навсегда только твой». Я прочитала её сегодня утром с таким трепетом! Я нежилась в этих словах, а он… Он в это время уже знал, что я ничего не подозреваю.

В голове пронеслась мысль: а как её зовут? Мать этого мальчика. Кто она? Бывшая? Или не бывшая? Паранойя пульсировала в висках, заставляя фантазию рисовать самые чудовищные картины. Я представила их вместе. Представила, как он держит на руках этого ребёнка, улыбается ему, называет «сыном».

- А что наша дочь? - спросила я у пустоты. - Для тебя она что? Бутафория? Картинка для идеальной семьи?

Мне стало дурно. Я вскочила на ноги, чувствуя, что меня тошнит. Стены спальни давили. Кровать, где мы спали с ним рядом, казалась мне сейчас осквернённой. Всё здесь было пропитано ложью: его запах, вещи, молчаливое присутствие. Я ненавидела сейчас эту квартиру. Ненавидела эти стены, которые хранили его секреты так же молчаливо, как он сам.

Я вылетела из квартиры, на ходу натягивая плащ. Я не помнила, закрыла ли дверь, нажала ли кнопку лифта. Просто бежала. Вниз по лестнице, грохоча каблуками по ступеням, лишь бы не оставаться там и не слышать эту гнетущую тишину, которая кричала громче любых слов.

Улица ударила в лицо ветром. Холодным и колючим. Я вдохнула его полной грудью, и это немного отрезвило. Я шла быстро, не разбирая дороги. Мне было всё равно, куда идти, лишь бы подальше от этого дома. Туда, где никто не знает меня как «жену Артёма».

Мысли крутились в голове с бешеной скоростью. Я пыталась выстроить хронологию. Мы вместе уже семь лет. Семь! Наша Дашка родилась пять лет назад. А этому ребёнку… сколько ему? Я не спросила. Даже не догадалась спросить! В голове всплыло: «оплачивает каждую его реабилитацию». Каждую. Значит, мальчик болен? Или… что значит «реабилитация»? Я не знаю. Оказывается, я ничего не знаю о жизни человека, с которым делю постель. Господи, да я даже не

знаю его настоящей жизни!

Ноги принесли меня к парку на автомате. Здесь мы гуляли с Дашкой, здесь он когда-то качал её на качелях. Теперь это место казалось мне кладбищем воспоминаний. Я села на первую попавшуюся скамейку. Руки безвольно упали на колени. Я смотрела перед собой, но ничего не видела. Деревья, песок, дети с лопатками — всё это было размытым, неважным. Где-то внутри меня всё умерло.

«Ты просто сошла с ума, - шепнул внутренний голос. - Может, это ошибка? Может, однофамилец?»

- Нет, - вслух ответила я. - Не ошибка.

Она сказала: «Медведев Артём Романович». Да и звонила на телефон, что был у нас дома, видимо, неспроста. Это был мой муж, который просыпается со мной в одной постели и целует меня в лоб перед работой. И у него есть сын. Есть какая-то другая жизнь. Скрытая от меня.

Я зажмурилась, пытаясь заглушить боль. Но боль была везде. Она была в каждом воспоминании. Я вспоминала его командировки, его «задержки на работе», его усталый вид по вечерам. Я принимала это, жалела его, верила, что он строит наше будущее. А он… он строил что-то другое, и для кого-то другого.

Слёзы подступили к горлу, но не вышли. Они застряли внутри, превратившись в ледяную глыбу. Я стиснула зубы, не хотела плакать. Точно не здесь и не сейчас.

В кармане завибрировал телефон. Я вздрогнула всем те-

лом, как от удара током. Достала его дрожащими руками. На экране высветилось: «Артём». Я смотрела на экран, пока он звонил. Вторая. Третья. Десятая секунда. Дыхание перехватило. Я представила его голос. «Привет, малыш, как день прошёл?» Спокойный, ласковый. Такой, каким я слышала его тысячу раз. Но теперь за этим голосом я видела другое лицо. Лицо лжеца.

Я нажала «отклонить». Телефон замолчал на секунду и тут же зазвонил снова. Артём всегда был настойчивым, когда ему что-то было нужно. Но сейчас я не могла слышать его. Если я услышу его голос, я сорвусь, начну кричать или разрыдаюсь. Либо скажу такое, что потом уже нельзя будет забрать.

Я нажала кнопку выключения. Экран погас, и вместе с ним, казалось, погасла последняя искра надежды. Я сжимала телефон в руке, глядя на своё отражение в чёрном стекле. Бледное, опустошённое лицо. Чужая женщина, которая ещё утром была счастлива.

- Какая же я дура, - прошептала я, и в этот момент слёзы всё-таки хлынули.

Я закрыла лицо руками, уткнулась в ладони, позволяя себе эту слабость. Плечи тряслись от беззвучных рыданий. Мимо проходили люди, кто-то шушукался, но мне было всё равно.

Я подняла голову, вытирая щёки тыльной стороной ладони. И в вдруг осознала одну простую, пугающую вещь. Я не

знаю, что будет и как, когда он вернётся сегодня домой.

Я смотрела на чёрный экран выключенного телефона и чувствовала странное облегчение оттого, что не могу сейчас его слышать. Потому что я знала: если он скажет: «Любимая, ты где?», я, возможно, поверю. Снова. Пусть на секунду, на миг, но это произойдёт вновь. Я сжала телефон в руке, чувствуя холод металла. Мысль о том, что нужно возвращаться, вызывала тошноту, но я должна. Ради Дашки. И для того чтобы задать ему все вопросы, что кружатся в моей голове, без утайки, прямо. И пусть он посмеет попробовать мне соврать.

Я встала со скамейки. Ноги были ватными, голова кружилась, но внутри, разгоралась странная, холодная решимость. Впервые за сегодня я точно знала, что сделаю. Я узнаю всё. До последней тайны.

Сделала шаг по дорожке парка, и с каждым шагом горечь во рту становилась всё сильнее. Небо над головой было чистым, но для меня оно навсегда останется сегодня серым. В кармане молчал мёртвый телефон. И я шла навстречу неизбежному, тому, что навсегда изменит мою жизнь.

Глава 3

Я шла по аллее, и каждый шаг давался мне тяжело. Ноги налились свинцом, а воздух в лёгких кончился ещё на той скамейке. Но я продолжала двигаться, потому что остановка означала бы, что я сдалась. А мне нельзя. У меня есть дочь.

Дашка. Одно её имя заставило моё сердце сжаться в очередной раз, но уже по-другому. Не от боли, а от ужаса. Что я скажу ей? Как я посмотрю в её глаза? Она любит его. Для неё папа — это герой. Самый сильный, добрый, лучший. А он…

Я остановилась посреди дорожки, закрывая лицо ладонями.

- Нет. Только не это. Не думай об этом сейчас, - прошептала я, чувствуя, как к горлу снова подступает ком.

Я перевела взгляд на дорогу, ведущую к выезду из парка. Мысли путались, перебивали друг друга, но одна из них вдруг прорвалась сквозь хаос яркой, чёткой вспышкой. Дашка сейчас в саду. Играет, наверное, с детьми, лепит что-то из пластилина, не зная, что мир её матери только что перестал быть прежним.

- Я заберу её сейчас же, - сказала я вслух, и голос мой прозвучал чуждо, глухо.

Мне хотелось вернуть прежний покой в свою жизнь, чтобы всё оказалось неправдой. Но понимала, что как раньше уже не будет. И если кто-то и мог помочь мне, так это дочь.

Поэтому, наверное, и приняла такое решение.

Я повернула к выходу из парка, чувствуя, как внутри меня нарастает странная, холодная решимость. Она была похожа на ту, что приходит перед самым опасным шагом, когда уже всё равно и терять нечего.

Не знала, сколько времени прошло, пока я добралась до сада. Помню только, что шла быстро, почти бежала, и ветер бил в лицо, а в голове пульсировало одно и то же: «Отец». Это слово превратилось в заклинание, в проклятие, которое я не могла остановить.

- Наталья Сергеевна? - удивлённо произнесла воспитательница, когда я появилась в дверях группы. - А мы вас не ждали. Что-то случилось?

Я заставила себя улыбнуться. Улыбка вышла кривой, деревянной, но женщина, кажется, ничего не заметила.

- Нет, всё хорошо. Просто захотела забрать Дашу пораньше. Отпуск же у меня начался, хочу провести с ней больше времени.

- Мамочка! - Дашка подбежала ко мне, обхватила руками за ноги, и я почувствовала, как что-то во мне снова разрывается. - А почему ты так рано?

- Соскучилась, - сказала я, и это было правдой. Самой настоящей, самой острой правдой этого дня. - Пойдём домой, ладно?

- А папа? - спросила она, нахмурив светлые брови. - Он же сказал, что сам заберёт меня вечером.

Я на секунду замерла. Сердце пропустило удар.

- Папа… у него много работы, - выдавила я. - Мы его сегодня подождём дома.

- А мы будем печь пирог? - с надеждой спросила Дашка. - Как в выходные?

- Будем, - пообещала я, и это обещание прозвучало для меня самой как приговор, потому что я понятия не имела, смогу ли я вообще переступить порог нашей кухни, где я с ним была счастлива.

Мы шли домой медленно, держась за руки. Дашка что-то щебетала, рассказывала про занятия, про подружек, про то, как они кормили хомячка. Я кивала, улыбалась, говорила что-то в ответ, но всё это было механическим. Я была здесь, и меня здесь не было. Моё тело шло по знакомым улицам, а душа всё ещё сидела на той скамейке в парке, сжимая в руках телефон.

Когда мы вошли в квартиру, первое, что я увидела — это бардак. Разбросанные вещи, выдвинутые ящики, опрокинутая коробка с документами. Остановилась на пороге, чувствуя, как внутри всё сжимается от стыда. Я сама учинила погром, словно потеряла рассудок от одного телефонного звонка.

- Мам, а что тут случилось? - удивлённо спросила Дашка, оглядывая прихожую.

- Ничего, - быстро сказала я. - Я… искала кое-что. Давай ты пока сходишь в свою комнату, поиграешь, а я тут прибе-

русь, хорошо?

- А пирог? - напомнила она.

- Пирог потом. Обещаю.

Она послушно ушла в свою комнату, и я осталась одна среди руин нашего «идеального» порядка. Я стояла посреди спальни, смотрела на вывернутые ящики, на одежду, валяющуюся на полу, и чувствовала, как внутри поднимается новая волна тошноты.

- Что ты наделала? - прошептала я себе.

Я принялась собирать вещи. Руки дрожали, пальцы не слушались. Складывала его рубашки, носки, дурацкие запонки, которые он так любил, и каждая вещь обжигала меня. Но я убирала. Молча, сосредоточенно, на автомате. Потому что я не хотела, чтобы он вернулся и увидел это. Я хотела, чтобы он вошёл и увидел меня спокойной.

Закончила убираться через полчаса. В спальне снова царил порядок. Почти идеальный, но я знала, что это обман.

Я пошла на кухню, достала продукты. Руки делали всё сами: тесто, начинка, духовка. Работала, как заведённая, не думая, не чувствуя. Дашка прибегала несколько раз, помогала мне, задавала вопросы, и я отвечала ей, улыбалась, гладила её по голове, а внутри меня всё кричало.

«Как ты мог, Артём? Как ты мог сделать это с нами? С ней? С твоей дочерью, которая верит тебе?»

Пирог отправила в духовку, и я, наконец, позволила себе выдохнуть. Прислонилась к столешнице, закрыла глаза. В

голове гудело. Мысли крутились не переставая.

«Я отключила телефон. Он звонил два раза подряд. Это не похоже на него. Он всегда спокойный, выдержанный. Но сегодня… что, если он знает? Что, если он уже догадался, что я что-то нашла? Что, если он…»

Я открыла глаза и поняла, что смотрю в сторону гостиной. Там, на журнальном столике, всё ещё лежал тот самый телефон, который стал вестником новостей.

Я сама не заметила, как мои ноги понесли меня туда. Остановилась в дверях, уставилась на этот чёрный прямоугольник, и внутри меня снова всё перевернулось. Я смотрела на него, и мне казалось, что он смотрит на меня. Живой. Злой. Наполненный чужими тайнами.

Я отошла и вернулась на кухню, но через минуту взгляд снова упал в ту сторону. Снова и снова. Я ловила себя на том, что делаю это рефлекторно. Меня тянуло к этому телефону. Не знаю почему.

- Мам, а когда папа придёт? - спросила Дашка, сидя за столом и рисуя.

- Скоро, - ответила я, чувствуя, как сжимается горло. - Наверное, скоро.

Я посмотрела на часы. Семь. Потом половина восьмого. Затем без пятнадцати восемь. Я возненавидела это ожидание. Оно разрывало меня изнутри. Я хотела, чтобы он уже вошёл, посмотреть ему в глаза, спросить и одновременно боялась этого больше всего на свете.

А если он скажет правду? Если он скажет: «Да, у меня есть сын. И что?» Что я сделаю тогда? Уйду? Соберу вещи? Заберу Дашку? Куда?

Я закрыла глаза, глубоко вздохнула. В этот момент в замке повернулся ключ, а моё сердце ухнуло куда-то вниз. Я выпрямилась, поправила волосы, одёрнула кофту. Руки тряслись, и я спрятала их в карманы джинсов.

- Папа пришёл! - закричала Дашка и бросилась в прихожую.

Я не двинулась с места. Стояла на кухне, смотрела в сторону коридора и ждала. Внутри всё кипело, но на лице не дрогнул ни один мускул.

- Папа! А мы пирог испекли! - услышала я голос Дашки. - Мама сказала, что ты на работе задержался, но мы тебя ждали!

- Молодец, - ответил Артём, и его голос показался мне чужим. Жёстким. Он всегда говорил с ней мягко, а сейчас я услышала в нём металл. - Иди к себе, дочка. Мне нужно поговорить с мамой.

- Но...

- Иди, я сказал.

Дашка замолчала. Я услышала, как её маленькие ножки прошлёпали по паркету, и дверь в её комнату закрылась.

Тишина.

Я стояла на кухне, чувствуя, как воздух сгущается. Он вошёл через секунду. Я увидела его в проёме — высокий, ши-

рокоплечий, с тёмными волосами, которые он всегда зачёсывал назад. Он был в своём чёрном пальто и лицо его… Я никогда не видела его таким.

Он был зол. Нет, даже не так. Артём был в ярости. Глаза сузились, челюсти сжаты, ноздри раздувались. Он смотрел на меня так, словно я была его врагом. Будто это я его предала.

- Ты почему сбросила звонок? - спросил он, и голос его прозвучал низко, с рычанием. - Я звонил тебе несколько раз, Наталья!

Я смотрела на него и молчала. Внутри меня всё дрожало, но я заставила себя не отводить взгляд.

- Ты отключила телефон! - продолжил он, делая шаг вперёд. - Я не мог до тебя дозвониться несколько часов! Ты что, решила меня игнорировать?

Я медленно выдохнула. Пальцы в карманах сжались в кулаки. Я чувствовала, как ногти впиваются в ладони, и эта боль помогала мне не сорваться.

- Потому что я не хотела с тобой разговаривать, - сказала я тихо, ровно. - В тот момент я не хотела слышать твой голос.

Он опешил. Я увидела это. На секунду его ярость сменилась растерянностью. Но только на секунду.

- Это что, шутки? - прорычал он. - Я весь день на нервах, звоню тебе, но телефон твой отключен.

- Зато тот был включен весь день. - указываю в сторону гостиной, где на столике лежит моя утренняя находка.

Он проследил за моим жестом. А затем... замер. В комнате повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом. Когда он развернулся я посмотрела в его глаза и видела, как в них что-то меняется. Это была паника. Быстрая и дикая, которую он пытался подавить.

Глава 4

Я видела, как его лицо меняется — секундное замешательство, затем попытка взять себя в руки. Он вновь смотрит в сторону гостиной, на этот гаджет, и я буквально чувствую, как в его голове бешено крутятся шестерёнки. Что сказать? Как выкрутиться?

- Чей это телефон? - спрашивает он, и голос его звучит на удивление ровно. Слишком ровно. Будто он репетировал этот вопрос тысячу раз.

Я не отвечаю. Смотрю на него и жду.

- Наташа, я тебя спрашиваю, - он поворачивается ко мне, и его брови ползут вверх, изображая искреннее недоумение. - Откуда у нас в доме чужой телефон?

Вот это да. Он действительно решил играть в эту игру? Серьёзно?

- А ты не знаешь? - мой голос тихий, но в нём звенит лёд.

- Откуда я могу знать? - он разводит руками, и этот жест кажется таким фальшивым, что меня начинает тошнить. - Я вообще вижу его впервые.

- Впервые, - повторяю я, медленно, по слогам. - Артём, не надо. Пожалуйста, не оскорбляй меня сейчас своим враньём.

- Я не вру! - он повышает голос, и в нём просыпается та самая ярость, которой он пытался меня запугать минуту назад. - Ты нашла какой-то телефон, теперь предъявляешь

мне? Может, это ты его принесла? Может, у тебя есть кто-то на стороне?

Я даже не верю своим ушам. Он пытается перевести стрелки? На меня?

- Ты серьёзно? - я делаю шаг вперёд, и в груди разгорается огонь. - Ты сейчас будешь меня в чём-то обвинять? Это ты оставил этот телефон в шкафу!

Он бледнеет. Я вижу, как кровь отливает от его лица, но он продолжает стоять на своём.

- Я не знаю, о чём ты говоришь, - выдавливает он, и его голос дрожит. - Ты всё выдумываешь. Ты...

- Не смей! - я почти кричу, но тут же беру себя в руки. Дашка в комнате. - Не смей врать мне в глаза, Артём. Хватит, пожалуйста, у меня нет сил на этот спектакль.

Он молчит. Сжимает челюсти так, что желваки ходят ходуном. Я вижу, как он борется сам с собой — признаться или продолжать врать. И мне становится физически плохо оттого, что он вообще колеблется.

В этот момент дверь в комнату Дашки распахивается.

- Мам! Папа! - она выбегает в коридор, растрёпанная, с карандашом в руке. - Я нарисовала слона! Хотите посмотреть?

Мы оба замираем. Артём смотрит на неё, и его лицо мгновенно меняется — напряжение спадает, на смену приходит та самая маска заботливого отца. Он улыбается ей так, будто ничего не произошло.

- Конечно, маленькая, - говорит он мягко. - Иди сюда, по-

кажи.

Он обходит меня, идёт к дочери, берёт её на руки. Она что-то щебечет, показывает свой рисунок, а он смеётся, хвалит её, целует в щёку. Я стою в дверях кухни и смотрю на эту идиллию, и внутри меня всё переворачивается.

«Ты прикрываешься ею, - думаю я, глядя на его широкую спину. - Ты знаешь, что при ней я не устрою скандал, используешь собственную дочь как щит, потому что трус. Потому что у тебя нет смелости посмотреть мне в глаза и сказать правду».

- Пап, а ты будешь пирог? - Дашка обнимает его за шею.

- Конечно, буду. Ты же с мамой пекли? - он бросает на меня быстрый взгляд. В нём нет тепла. Только мольба - не сейчас, не при ней, пожалуйста.

Я отвожу глаза. Прохожу на кухню, достаю тарелки, нарезаю пирог. Руки мои дрожат, но я заставляю их быть спокойными. Дашка вбегает следом, садится за стол. Артём идёт за ней, садится рядом с ней — напротив меня.

- Мам, а можно мне сок? — просит дочка.

- Сейчас, малыш.

Я наливаю сок, ставлю перед ней. Артём смотрит в тарелку, не поднимая глаз. Я беру кусочек пирога, хотя в горле стоит ком. Есть не хочется совсем, но я делаю вид, что всё нормально. Только из-за Дашки. Ради того, чтобы она не видела, как наш мир рушится на куски.

- Вкусный пирог, - говорит Артём. И обращается к Дашке:

- Ты помогала маме?

- Да! Я тесто месила! И яблоки резала! - она сияет от гордости.

- Умница, - он гладит её по голове. И ни слова мне, ни взгляда, ничего.

Я сижу напротив, сжимаю вилку в руке и смотрю, как он играет роль идеального отца - заботливый, нежный. Он улыбается дочери, шутит с ней, рассказывает какую-то историю, а я для него перестала существовать. Артём будто поставил между нами невидимую стену, и за этой стеной — только он и Дашка, а я — пустое место.

«Ты думаешь, что если будешь игнорировать меня, то проблема исчезнет? - внутренний голос кричит так громко, что у меня закладывает уши. - Ты думаешь, что можешь просто спрятаться за спиной собственной дочери, и я забуду?»

Я откладываю вилку. Не могу есть, каждый кусок застревает в горле.

- Дашка, - говорю я как можно спокойнее, - доедай, потом чистить зубы и спать.

- Но ещё рано! - капризничает она.

- Уже поздно, - мягко, но твёрдо отвечаю я. - Ты и так сегодня допоздна. Слишком долго ждали папу.

Она вздыхает, но доедает. Артём молчит, просто сидит, уставившись в окно, и я вижу, как напряжены его плечи. Он знает, что разговор неизбежен, но будет оттягивать его до последнего.

- Пойдём, - беру Дашку за руку.

- Спокойной ночи, папа! - она машет ему рукой.

- Спокойной ночи, моя хорошая, - он улыбается ей, и в этой улыбке столько нежности, что у меня на мгновение сжимается сердце.

А потом я увожу её в ванную. Мы чистим зубы, умываемся, я читаю ей сказку. Она засыпает быстро — детский сон не знает тревог. Я сижу на краю кровати, смотрю на её спящее лицо, и слёзы снова подступают к горлу.

- Что мы будем делать, маленькая? - шепчу я. - Что теперь будет с нами?

Но ответа нет. Она спит. Я целую её в лоб, поправляю одеяло, выхожу из комнаты и замираю. В гостиной горит свет. Я делаю шаг, второй — и вижу Артёма. Он сидит на диване, ко мне спиной, и что-то делает с тем самым телефоном. Муж так увлечён, что не слышит моих шагов, не знает, что я стою у него за спиной и смотрю. Я смотрю, как его пальцы скользят по стеклу. И в этот момент во мне что-то обрывается.

- Когда? - спрашиваю я, и мой голос — тихий шёпот, но и его сейчас достаточно.

Он вздрагивает так сильно, что телефон выпадает из рук и падает на пол. Артём резко оборачивается — бледный и растерянный.

- Что — когда? - выдавливает он, и я слышу, как дрожит его голос.

- Когда ты планировал рассказать, что у тебя есть сын?

Глава 5

Вижу, как его лицо становится пепельно-серым, а глаза расширяются. Телефон всё так же валяется на полу, и мы оба смотрим на него, будто это не бездушный кусок пластика и стекла, а живое доказательство его вины. Я чувствую, как сильно колотится сердце, что, кажется, он тоже это слышит.

- Что? - голос Артёма звучит хрипло, неестественно. - Сын? Наташа, ты… ты с ума сошла? Какое ещё сын? Что за ахинею ты несёшь?

Он пытается улыбнуться. Эта улыбка — жалкая, натянутая, она не доходит до глаз. Он хочет сделать вид, что я сморозила чудовищную глупость, что это просто нервный срыв.

- Не надо, - говорю я тихо. - Пожалуйста, не стоит сейчас прикидываться идиотом. Это ни к чему сейчас.

- Я не прикидываюсь! - он резко встаёт с дивана, и его голос срывается на фальцет. - Ты мне тут какую-то чушь несёшь! Сын? У меня есть дочь, и ты это знаешь. Дашка — моя дочь. А никакого сына нет!

Он уже кричит. Он пытается перекричать меня, перекричать правду, которая висит между нами. Но я не отступаю.

- Не смей повышать на меня голос! И только попробуй разбудить Дашку. - произношу тоном, не терпящим возражения.

После чего наступает минутная тишина, которая, судя по

всему, была необходима обоим.

- Артём, - говорю я, и мой голос ледяной, - Сегодня на этот телефон поступил звонок. Я говорила с центром «Возрождение». Милая девушка по имени... не помню, как её зовут, если она вообще представлялась. Но, она очень хорошо тебя знает. Она сказала, что ты отец ребёнка, мальчика, и что оплачиваешь его реабилитацию. «Как и всегда», — цитирую. Так что не надо мне врать. Всё уже вскрылось.

Он бледнеет ещё больше. Его руки дрожат, я замечаю это, хотя он прячет их в карманы брюк. Он сглатывает, и кадык дёргается судорожно.

- Это... это ошибка, - выдавливает он. - Это же очевидно какая-то ошибка. Либо ты неправильно поняла, или они перепутали что-то. Медведевых много... Я не могу понять, как ты могла ей поверить? - не унимается муж.

- Ой, перестань! - я не выдерживаю. Голос срывается на крик. - Ты сам знаешь, что это не ошибка! Она назвала твоё отчество, твою фамилию! Не ври мне в глаза, Артём! Я не заслужила этого!

- А чего ты заслужила? - вдруг его голос становится жёстким, злым. Он делает шаг ко мне, и в его глазах вспыхивает что-то опасное. - Ты заслужила, чтобы я отчитывался перед тобой за каждый свой шаг? Ты думаешь, что имеешь право рыться в моих вещах, подслушивать мои звонки?

- А я и не подслушивала! - чувствую, как во мне закипает ярость. - Телефон сам зазвонил! Представь себе моё удивле-

ние, когда я его случайно нашла. Он просто лежал в шкафу, даже ничем не прикрытый. Какова вероятность, что он там оказался случайно? И я всего лишь ответила на звонок! Ты сам его забыл, сам оставил в нашем доме!

- В нашем доме? - он усмехается, и эта усмешка режет меня как ножом. - Это мой дом, между прочим. Я его купил. И если захочу положить телефон в шкаф — положу.

Я смотрю на него и не верю своим ушам. Он что, сейчас решил перейти на личности? На деньги? На собственность?

- Ты серьёзно? - мой голос дрожит от обиды. - После семи лет брака ты мне тычешь, что это твой дом? А я кто? Прислуга? Сожительница?

- Ты не так меня поняла, не утрируй. Я не это имел в виду...

- А что ты имел в виду? - я уже не контролирую себя. Слёзы душат меня, но я не даю им вылиться. - Ты имел в виду, что я никто? Что моё мнение ничего не стоит? Что ты можешь иметь любые тайны, а я не имею права спрашивать?

- Именно! - вдруг рявкает он. - Не имеешь права!

Мы оба замираем. Его слова повисают в воздухе, тяжёлые, как свинец. Я смотрю на него и не узнаю. Это не тот человек, за которого я выходила замуж, которому родила дочь. Это чужой, холодный, жестокий мужчина.

- Что? - шепчу я. - Повтори.

Он отводит взгляд. Видит, что перегнул, но назад уже не отступить.

- Наташа, послушай... - начинает он, но я его перебиваю.

- Нет, это ты послушай! - я делаю шаг вперёд, и он инстинктивно отступает. - Я семь лет прожила с тобой. Верила каждому твоему слову. Ночами не спала, когда ты задерживался, переживала, думала, что у тебя проблемы на работе. А ты... ты в это время был там? С сыном? С другой семьёй?

Я смотрю на него и не знаю, что чувствовать. Боль, обида, гнев — всё смешивается в один коктейль, от которого меня тошнит.

Артём устало вздыхает, отходя к окну. И даже не смотрит в мою сторону.

- Чего ты хочешь услышать от меня? - произносит словно в пустоту.

- Правду, Артём. Расскажи всё как есть.

- Да, у меня есть сын. Всё? Узнала что хотела? Стало легче?

- Почему ты мне раньше не сказал? - мой голос ломается. - За столько совместно прожитых лет ты ни разу не обмолвился, что у тебя есть сын?

- А зачем? - он поднимает на меня глаза. И в них я вижу такую холодную пустоту, что мне становится страшно. - Зачем тебе это знать? Это моя жизнь. Тебя это не касается.

Слова бьют наотмашь. Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Хорошо, что рядом оказалось кресло, потому что сил держаться больше нет.

- Что ты сказал? Не касается? - переспрашиваю, еле ше-

веля губами. - Я твоя жена, Артём. Мать твоего ребёнка. Как это — не касается?

- А вот так, - он разводит руки в стороны, глядя мне в глаза. - Я не обязан тебе отчитываться об этом.

Глава 6

Я смотрю на него и не узнаю. Этот человек с каменным лицом и пустыми глазами — не мой Артём. Или это всегда был он, просто я отказывалась видеть?

- Ты не обязан мне отчитываться? - повторяю я, и мой голос звучит так, будто я говорю с самой собой. - Артём, я родила тебе дочь. Я ночами не спала, когда она болела. Я доверила тебе свою жизнь. А ты... ты считаешь, что я не имею права знать, что у тебя есть сын?

Он молча стоит у окна, заложив руки за спину, и смотрит в темноту за стеклом, словно там есть ответы на все вопросы.

- Я не хотел тебя ранить, - наконец выдавливает он.

- Не хотел ранить? - я чувствую, как во мне закипает новая волна гнева. - Ты врал мне годами! Каждое утро, когда ты целовал меня и говорил «люблю», каждый вечер, когда спрашивал, как прошёл день — ты врал. Ты украл у меня право выбора, хочу ли я жить с таким человеком, как ты.

- А какой я? - он резко оборачивается, и в его глазах вспыхивает что-то опасное. - Ты вообще знаешь, какой я? Или ты всё это время любила придуманный образ?

- Я думала, что знаю! - почти кричу я. - Но сейчас... сейчас я вижу перед собой незнакомца.

Он усмехается, чёрт возьми! И это бьёт больнее любых слов.

- Ладно, - он проводит рукой по лицу, устало, будто я — надоедливая муха, от которой невозможно отмахнуться. - Чего ты хочешь? Чтобы я покаялся? Чтобы упал на колени и умолял о прощении?

- Я хочу понять, как мы будем жить дальше.

- А что меняется? - он пожимает плечами, и этот жест такой небрежный, такой... чужой. - Я жил с тобой и Дашей. Люблю вас. Это не меняется.

- Не меняется? - я вскакиваю с кресла. Ноги дрожат, но я держусь. - Ты серьёзно? Только что ты сказал, что я не имею права знать о твоём сыне. Что моё мнение ничего не стоит. И после этого ты говоришь, что ничего не меняется?

- Я сказал это сгоряча, - он отводит взгляд. - Ты меня спровоцировала.

- Я тебя спровоцировала? - я не верю своим ушам. - Артём, ты спрятал от меня целую жизнь! Ты построил вторую семью, и теперь говоришь, что это я тебя спровоцировала?

Он молчит. Сжимает челюсти так, что желваки ходят ходуном.

- Я не строил вторую семью, - говорит он тихо, сквозь зубы. - Не было никакой второй семьи.

- А кто тогда мать этого мальчика? - я чувствую, как к горлу подступает тошнота. - Любовница? Одноразовая интрижка? Кто она, Артём?

Он закрывает глаза. Стоит так несколько секунд, и я вижу, как напряжены его плечи, как дрожат пальцы, сжатые в

кулаки.

- Это было всего лишь раз, - наконец говорит он. - Просто ошибка, о которой я сразу же пожалел. Больше мы с ней не общались после этого. Она сама меня нашла, когда уже родила. Меня ничего с ней не связывает, кроме сына.

- Которого ты скрывал от меня все эти годы.

- Я не скрывал, - он открывает глаза и смотрит на меня с какой-то обречённостью. - Я просто... не говорил. Это разные вещи.

- О, ради бога! - я всплёскиваю руками. - Не говорил? Ты уезжал в командировки, задерживался на работе, врал про встречи с клиентами — и ты называешь это «не говорил»?

- А что мне было делать? - его голос срывается на крик. - Сказать: «Дорогая, у меня есть сын-инвалид, которому нужна постоянная медицинская помощь, и я должен его обеспечивать, но ты не волнуйся, я его почти не вижу»? Ты бы что сказала?

Я замираю.

- Инвалид?

Он выдыхает. Садится на подлокотник дивана, опускает голову. И впервые за этот вечер я вижу в нём не врага, а человека уставшего и сломленного.

- Он родился с патологией, - говорит Артём глухо. - Врачи сказали, что он, возможно, никогда не будет ходить. Но я нашёл центр, хороший центр. Дорогой. Ему делали операции, реабилитации... Сейчас ему лучше, но всё равно нужны

регулярные курсы. Без них он... без них он не сможет.

Я слушаю и чувствую, как внутри меня что-то сжимается. Он ребёнок. Больной ребёнок, который не выбирал, где и у кого родиться.

Артём встаёт и подходит ко мне. Я чувствую его запах — тот самый, знакомый до боли, от которого у меня всегда кружилась голова, но сейчас он вызывает во мне только отвращение.

- Наташ, - он берёт меня за плечи, и я вздрагиваю. - Я люблю только тебя. То, что было... это ошибка, но мальчик не должен отвечать за эту ошибку. Ты же понимаешь?

- Понимаю, - говорю я тихо. - Мальчик не виноват. Никогда и не утверждала этого.

- Тогда в чём проблема? - он сжимает мои плечи сильнее. - Я хочу быть с тобой. С вами. Всё останется как прежде. Я буду приезжать к нему иногда, платить за лечение, но вы будете моей главной семьёй. Главной, Наташ, ты слышишь?

- А как же дочь? - выдыхаю я. - Ты собираешься врать и ей? Всю жизнь? Ты когда-нибудь планировал рассказать ей, что у неё есть брат?

Он отводит взгляд, убирая руки с моих плеч, и отступает на шаг.

- Зачем ей это знать? - говорит он после паузы. - Ей будет только больно. Она маленькая, да не поймёт ничего.

- Не поймёт сейчас, - возражаю я. - Но когда вырастет? Когда узнает сама? Ты думаешь, она тебя поблагодарит за то,

что ты лишил её брата?

- Он не её брат, - резко говорит Артём. - Они даже не знакомы. Она о нём ничего не знает. И не узнает, если мы не скажем.

- То есть ты предлагаешь просто... ничего не менять? - я смотрю на него и не верю. - Продолжать врать? Прятаться? Жить на две семьи?

- Я не живу на две семьи! - он почти кричит. - Я живу с вами. А туда... туда я просто приезжаю лишь по необходимости.

- По необходимости, - повторяю я, и в моём голосе звучит такая горечь, что он морщится. - Артём, ты его отец. Ты не можешь быть отцом по необходимости. Ты либо им являешься, либо нет.

- Я знаю, - он проводит рукой по лицу. - Я знаю, чёрт возьми, но я не могу его бросить. Он без меня не сможет: ни финансово, ни морально. Его мать... она на грани. Ей очень тяжело. Я не могу их оставить.

- А нас ты можешь оставить? - тихо спрашиваю я.

- Я вас не оставляю! - он снова повышает голос. - Я всегда был с вами!

- Физически — да, - киваю я. - Но ты врал нам каждый день. Ты украл у меня годы, Артём. Годы, которые я могла бы прожить по-другому. С другим человеком. Или одна.

Он бледнеет.

- Ты это серьёзно?

- Абсолютно, - говорю я, и в моём голосе звенит лёд. - Я не смогу жить с человеком, которому не доверяю. Я не смогу каждое утро просыпаться и гадать, где ты был на самом деле, с кем ты говорил по телефону, кому ты улыбался.

- Ты перегибаешь, - говорит он, но в его голосе уже нет уверенности. — Это же не предательство. Это... это просто ошибка.

- Ошибка — это забыть купить хлеба, - я смотрю ему прямо в глаза. - Ошибка — это случайно разбить чашку, а скрывать от жены измену и существование собственного сына — это не ошибка, а выбор.

- И что ты предлагаешь? - он уже не кричит. Голос его звучит устало, обречённо.

- Я прошу тебя сделать выбор. Ты не можешь жить на два дома, Артём. Это невозможно.

- А по-моему, возможно, - упрямо говорит он.

- Для тебя — может быть, - я чувствую, как слёзы снова подступают к горлу. - Для меня — нет.

Повисает гнетущая тишина. Мы стоим друг напротив друга — два чужих человека, которые когда-то любили друг друга. Или, по крайней мере, я любила. А он? Я больше не уверена ни в чём.

- Что ты хочешь от меня? - наконец спрашивает он.

- Я хочу, чтобы ты ушёл, - говорю я, и эти слова даются мне с таким трудом, будто я выплёвываю собственное сердце.

Он усмехается вновь. Я тут вспоминаю его слова. «Это мой дом, между прочим. Я его купил». Чувствую, как внутри меня всё закипает, но никто из нас я не успевает ничего сказать, потому что в тишине вдруг раздаётся звонок.

Тот самый телефон, что продолжал всё это время лежать на полу, вибрирует, издаёт противный, механический трезвон.

Мы оба смотрим на него. Артём делает шаг, но я быстрее. Хватаю телефон первой, нажимаю «ответить» и включаю громкую связь.

- Артём? - женский голос, на грани истерики. Слышу, как она задыхается, будто только что бежала. - Артём, пожалуйста, если ты слышишь... Владу опять плохо. Он кричит уже час. Я не знаю, что делать. Врачи сказали ждать, но он... он меня не слышит, он бьётся головой об стену, я боюсь, что он себе что-то сделает. Пожалуйста... если ты можешь, приезжай.

Я смотрю на Артёма, а он – на меня. Его лицо — маска, но в глазах я вижу панику.

- Он тебя зовёт, - говорит женщина, и я слышу, как она плачет. - Владик всё время спрашивает, где папа. Я не знаю, что ему ответить. Артём, умоляю...

Я задерживаю дыхание. Смотрю на мужа, который пять минут назад говорил, что я — его главная семья.

- Я сейчас приеду, - говорит Артём громко, чётко. Не сводя с меня глаз. - Жди.

Он нажимает отбой, забирая у меня телефон, и прячет в карман.

- Я должен ехать, - говорит он, будто это всё объясняет. - Это на пару дней, - он говорит быстро, будто оправдывается. - Я помогу ей успокоить его, и вернусь. А там... там подумаем, как нам быть дальше.

Я смотрю на него и не верю ни одному слову. Он уезжает, бросает нас. Прямо сейчас Артём делает выбор, даже не осознавая этого. Или осознавая, но делая вид, что всё в порядке.

Он смотрит на меня с подозрением. Ждёт скандала, криков, что я буду его держать, умолять остаться? Но я молчу.

- Наташ... - начинает он.

- Езжай, - перебиваю я. - Твой сын ждёт.

Он колеблется секунду, и уходит. Слышу, как возится с замком. Щелчок и тишина.

Я стою посреди гостиной, смотрю на дверь, за которой только что исчез мой муж.

- А по-моему, ты уже сделал свой выбор, — говорю я в пустоту.

И слёзы, наконец, прорываются наружу. Я падаю на диван, утыкаюсь лицом в подушку и плачу так, как не плакала никогда в жизни. Потому что моя семья рухнула, а меня предали.

Я не знаю: что будет завтра, смогу ли я смотреть ему в глаза, когда он вернётся, прощу ли я когда-нибудь эту ложь. Но одно я понимаю точно – как прежде, уже не будет никогда.

Глава 7

Я проснулась ещё затемно, но не от будильника или шёпота дочери, а от тишины, той самой, которая вдруг стала громче любого крика. Глаза открылись сами собой, и первое, что я увидела — пустую половину кровати, которая так и осталась нетронутой, когда он уехал к ним.

Я зажмурилась, но картинка не исчезла. Она въелась в память: его лицо, когда он сказал «я должен ехать». Артём не метался, не сомневался. Он просто ушёл, даже не обернувшись.

- Не думай, - прошептала я в подушку, но голос прозвучал чужой, хриплый. - Пожалуйста, хотя бы пять минут не думай.

Но у меня ничего не вышло. Я села на кровати, обхватив колени руками, и уставилась в стену. Дашка спала в соседней комнате — я специально не стала закрывать двери, потому что боялась, что она может внезапно проснуться, а я не услышу.

Вчерашний разговор прокручивался в голове на повторе. «Ты не имеешь права». «Это моя жизнь». «Я не живу на две семьи». А потом этот звонок и голос женщины на грани истерики. «Владик всё время спрашивает, где папа».

Его сына зовут Влад. Это имя теперь занозой сидело в моём сердце.

Я встала, налила себе воды, но горло сжалось так, что не

проглотить. Поставила стакан и прислонилась лбом к холодному стеклу. За окном серело утро.

- Мам? - раздалось сонное из детской.

Я выпрямилась, заставив уголки губ подняться в улыбку, и пошла к дочери.

- Доброе утро, маленькая моя.

- А папа где? - она потёрла глаза. - Он уже уехал на работу?

Я замерла на секунду. Внутри всё оборвалось.

- Да, - сказала я голосом, который старалась не выдать дрожи. - Папа уехал на несколько дней, в командировку.

- А почему он не попрощался?

- Потому что… - я сглотнула, - потому что очень спешил, но он тебя очень любит.

Дашка, кажется, удовлетворилась этим ответом, а я поняла, что не могу здесь оставаться. В этих стенах, где каждый уголок напоминал о нём, о том, какой я считала свою жизнь ещё вчера утром.

Решение пришло внезапно и твёрдо – я не хочу его видеть, ни сейчас, а может быть, и никогда.

- Дашунь, - я села на край кровати, - хочешь поехать к бабушке с дедушкой? За город? Там сад большой, качели, помнишь?

Её глаза засияли.

- Да! А насовсем?

- На недельку. Пока папа в командировке.

Слова дались тяжело, но другого выхода я не видела. Мне

нужно было пространство, где нет его вещей и всего, что напоминает о нём, чтобы принимать решения с холодной головой.

Я достала телефон и написала воспитательнице в сад: «Извините, Дашу на неделю заберу, мы уезжаем». Ответ пришёл быстро: «Хорошо, Наталья Сергеевна». Всё, теперь обратного пути нет.

Сборы были лихорадочными. Я кидала вещи в сумку, не разбирая, лишь бы быстрее. Джинсы, футболки, Дашкины платья, зубные щётки, игрушки. На дне комода наткнулась на его запонки — те самые, которые я собирала вчера в приступе бешенства. Замерла, сжимая их в кулаке. Металл обжигал кожу, но я не могла разжать пальцы. Я положила запонки на место. Не потому что простила. Потому что не хотела брать с собой ничего, что связано с ним.

Через час мы уже ехали в такси. Дочь вертелась, смотрела в окно, показывала на коров в поле. А я смотрела на удаляющийся город и чувствовала, как с каждым километром становится немного легче и одновременно тяжелее, потому что бежать от проблемы — не значит решить её. Но сейчас мне нужно было просто не развалиться на части.

- Мам, а почему ты грустная? - спросила Даша, прижимаясь ко мне.

- Я не грустная, солнышко. Я просто… думаю.

- А о чём?

- О том, как я тебя люблю, - поцеловала её в нос, и она

рассмеялась.

Хорошо, что дети не видят того, что прячут взрослые за улыбкой.

Родительский дом встретил меня запахом пирогов и осенней листвой. Мама выбежала на крыльцо, ещё в фартуке, с распростёртыми объятиями.

- Наташа! Ой, а мы и не ждали! - она обняла меня так крепко, что на секунду я забыла, где нахожусь. - А где Артём? Почему не предупредила?

- В командировке, - я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка выглядела естественно. - У него срочные дела, а у меня отпуск. Вот, решили к вам на недельку.

- Ну и правильно! - отец вышел из гаража, вытирая руки ветошью. - А мы как раз печь растопили, баньку хотите?

- Дедушка! - дочка бросилась ему на шею, и он закружил её, смеясь.

Я стояла на крыльце и смотрела на эту картину, и сердце разрывалось, потому что здесь, в этом доме, всё было настоящим – любовь, забота. Никакой лжи. Мне стало стыдно, что я привезла сюда свою боль, как заразу.

Мама, конечно, почувствовала неладное сразу. От неё невозможно что-то скрыть, но первые пару часов не задавала вопросов. Накрыла на стол, достала варенье, напоила чаем. Расспрашивала про Дашку, про сад, про погоду в городе. Я отвечала односложно, боясь, что если начну говорить больше — голос дрогнет.

При этом всё время отвлекалась: смотрела в окно, на берёзы, на дорогу, и постоянно думала об Артёме. Меня аж передёрнуло.

- Наташ, - мама поставила чашку, - ты чего?

- Всё нормально, мам. Просто устала.

- У тебя глаза красные. Ты плакала?

- Нет, - соврала я, отводя взгляд. - Аллергия, наверное.

Мама ничего не сказала, только посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом. Тем самым, от которого невозможно спрятаться, но я хотя бы попыталась.

День тянулся медленно. Мы гуляли с Дашей по огороду, собирали яблоки, кормили соседского кота. Я смеялась, когда дочка пыталась поймать бабочку, и чувствовала, как внутри всё кипит: гнев, обида и страх. Особенно последнее, потому что ещё не представляла, что будет дальше.

Вечером, когда дочь устала и уснула в маленькой комнате, которая раньше была моей, я вышла на кухню. Села у окна, обхватив кружку с остывшим чаем, и уставилась в темноту. Где-то там моя жизнь разбилась вдребезги, а я сижу здесь, делаю вид, что всё в порядке.

В дверях скрипнула половица. Я обернулась. Мама стояла на пороге, босая, в банном халате, с взъерошенными волосами. В руках — две кружки. Она поставила одну передо мной и села напротив.

- Я свежий заварила, - сказала она тихо. - Твой любимый, с бергамотом.

- Спасибо, - я взяла кружку, но греть ладони о неё было больно. Слишком горячая.

Мама молчала и просто смотрела на меня. Я знала этот взгляд. Он означал: «Я жду, но не тороплю. Я здесь. Я никуда не уйду». И в этой тишине что-то во мне сломалось. Окончательно.

- Мам, - голос мой дрогнул, - а ты когда-нибудь чувствовала, что живёшь не свою жизнь?

- Чувствовала. Когда твой отец пропадал на работе, а я оставалась с тобой, маленькой, и думала: а где же он? Почему я одна?

- И что ты делала?

- Ждала и злилась. А потом… - она вздохнула, - потом научилась говорить. Не кричать, а именно говорить, потому что молчание убивает всё, кроме боли.

У меня задрожали руки.

- А если сказать не получается? Если ты боишься, что после правды ничего не останется?

Мама отставила кружку. Посмотрела на меня в упор.

- Дочь, - она произнесла это тихо, но твёрдо. - Сердце моё не на месте с утра. Я вижу, что ты не в себе. Вижу, что улыбаешься через силу, что смотришь в пустоту. И я знаю: если женщина уезжает к родителям в отпуск, а мужа с ней нет — значит, случилось что-то серьёзное. Говори. Не надо врать, что всё хорошо.

Глава 8

Я смотрю на мамино лицо — оно спокойное, но глаза выдают всё. Она чувствует мою боль за версту, даже если прячу её за улыбкой, шутками, и фразой «всё нормально». Сейчас от неё невозможно спрятаться.

- Мам, ну правда, всё хорошо, - говорю я, но голос предательски дрожит. - Просто устала: работа, Даша, отпуск… нервы ни к чёрту.

- Наталья, - мама произносит моё имя так, как умеет только она: мягко, но твёрдо одновременно. - Я родила тебя двадцать девять лет назад. Я видела тебя в любом состоянии: когда ты радовалась, плакала, когда у тебя была температура под сорок и ты бредила, так что не надо мне врать, пожалуйста.

Я сжимаю кружку так сильно, что пальцы белеют. Чай ещё очень горячий, но я всё равно подношу его к губам, делаю глоток. Горло сжимается, и я с трудом проглатываю.

- Мам…

- Что он сделал? - спрашивает она прямо.

Я опускаю взгляд и смотрю на свои руки, на тонкие прожилки вен. А внутри всё переворачивается, потому что я не могу ей сказать. Не могу произнести это вслух, потому что, если я скажу, значит, это станет окончательно по-настоящему реальным.

- Наташа, - мама накрывает мою ладонь своей, такой тёплой и родной. - Я не отстану. Ты же знаешь меня. Мы можем сидеть здесь хоть до утра. Я буду молчать и ждать, сколько понадобится, но я не уйду, пока ты не расскажешь.

- А если я не хочу говорить? - шепчу я.

- Тогда я скажу за тебя, - она вздыхает. - Артём тебя обидел. Сильно. Может быть, даже изменил. Или… что-то хуже. Я права?

Я поднимаю глаза. В них стоят слёзы, но я ещё держусь из последних сил.

- У него есть сын, - выдавливаю я, и каждое слово даётся мне с трудом. - Мам, у него есть сын. Мальчик. Ему… я даже не знаю, сколько ему. Я не спросила. Я ничего не знаю.

Она не моргает. Лицо её не меняется, только рука на моей ладони становится чуть тяжелее.

- Сын, - повторяет она медленно. - От другой женщины?

- Да. - Я киваю, и слёзы, наконец, текут. - Он сказал, это была ошибка. Один раз. И она родила. А он… он всё это время скрывал. Оплачивал реабилитацию, приезжал к ним, врал мне про командировки, про задержки на работе. Годами, мам!

Я уже не контролирую голос, когда слова вырываются наружу.

- И знаешь, что самое страшное? - всхлипываю я. - Он не считает, что сделал что-то плохое! Он сказал мне в глаза: «Это моя жизнь. Тебя это не касается». Ты представляешь?

Семь лет брака, общая дочь, а он говорит — не касается!

Мама молчит несколько секунд. Я смотрю на неё сквозь пелену слёз и жду. Но чего? Приговора? Осуждения? «А я тебе говорила»? Или «надо было лучше выбирать мужа»? Но она ничего такого не говорит.

- А мальчик? - спрашивает она тихо. - Что с ним? Ты сказала — реабилитация. Он болен?

Я вытираю лицо тыльной стороной ладони, всхлипываю.

- Он… инвалид. Артём сказал, родился с патологией. Не ходит, наверное. Или ходит плохо, я не знаю. Ему нужны операции, курсы лечения. Дорогие. Артём оплачивает. И вчера вечером… - голос ломается, - вчера вечером, когда мы разговаривали, позвонила его мать. Она плакала, казала, что мальчик кричит, бьётся головой об стену, зовёт папу. И Артём… он уехал.

- Сразу? - уточняет мама.

- Сразу, - шепчу я. - Даже не задумался. Собрался и уехал. Сказал, что на пару дней, и что потом мы подумаем, как нам быть дальше.

Мама откидывается на спинку стула, смотрит в потолок. В комнате тихо — только сверчок за окном и моё прерывистое дыхание.

- А ты что ему сказала?

- Ничего. Сказала — езжай, сын тебя ждёт.

- И он уехал.

- Да.

Мама качает головой. Не осуждающе, а как-то… устало. Будто сама с кем-то спорит.

- Наташ, - говорит она наконец. - А ты знаешь что-нибудь про эту женщину? Как её зовут? Где они живут? Сколько лет мальчику?

На что я лить отрицательно мотаю головой.

- Ничего. Я даже не спросила. В тот момент… мам, у меня в голове была одна мысль: он мне всё время врал. Я даже не смогла выяснить никаких деталей. Просто… рассыпалась.

- Шок — это нормально, - мама кивает. - Так организм защищается. Ты не виновата, что не задала вопросы. В таком состоянии вообще трудно соображать.

- Но я должна была узнать всё, - шепчу я. - А вместо этого просто разревелась, собрала вещи и уехала сюда, как трусиха.

- Ты не трусиха, - мама строго смотрит на меня. - А мать, которая увезла дочь от скандала. Женщина, которая взяла паузу. Это не трусость, а мудрость.

Я качаю головой, не веря ей. Но в груди становится чуть теплее.

- Вот как мне быть теперь? - спрашиваю я. - Вернуться и ждать, пока он приедет? Делать вид, что ничего не случилось? Или… собрать вещи и уйти?

Мама не отвечает сразу. Она встаёт, идёт к плите, ставит чайник. Достаёт из шкафа баночку с травами — ту самую, которую собирает сама, сушит, заваривает, когда у кого-то

болит душа. Я смотрела, как она заваривает, и чувствую себя маленькой девочкой, которая разбила коленку и прибежала к маме за утешением.

- Вот что я тебе скажу, - мама садится обратно, ставит передо мной новую кружку. - Предательство прощать нельзя, ни в каком виде. Даже если он считает это чем-то другим и говорит, что любит тебя и дочку, даже если он платит за реабилитацию чужого ребёнка.

- Он не чужой, - тихо возражаю я. - Он его сын.

- Для тебя — чужой, - отрезает мама. - Ты о нём ничего не знаешь. Артём принёс его в вашу жизнь, даже не спросив, готова ли ты к этому. Он лишил тебя выбора. Это не любовь, Наташа, а эгоизм.

Я молчу, потому что не могу спорить, ведь она права.

- Я не хочу так жить, - выдыхаю я. - Мам, я просто не смогу так. Каждое утро просыпаться и думать: а он там? А он с ними? А он врёт мне снова? Это… это сведёт меня с ума.

- Значит, не надо так жить, - просто говорит мама.

- Ты предлагаешь уйти? - я смотрю на неё, и внутри всё замирает, хотя думала об этом и не раз.

- Я предлагаю не принимать решений сейчас, - мама накрывает мою руку своей. - Ты у нас на неделю. Хорошо? Посмотрим, как Артём будет себя вести эти дни. Будет ли он звонить тебе? Интересоваться дочерью. Будет ли он просить прощения или сделает вид, что ничего не случилось?

- А если не будет?

- Тогда ты получишь ответ на свой вопрос, - пожимает плечами мама. - Если человек не борется за семью — значит, семья ему не нужна.

Я отворачиваюсь к окну. В темноте отражается моё лицо — бледное, опухшее от слёз, с красными глазами.

- А что, если он будет звонить, просить прощения, говорить, что любит, обещать, что всё наладится? Я же знаю себя. Ведь поверю ему снова, а потом он снова уедет к ним, и я снова буду сидеть и ждать.

- Тогда ты должна понять одну вещь, - мама наклоняется ко мне, заглядывает в глаза. - Ты не обязана терпеть и прощать. Ты имеешь право на злость, боль и желание уйти. Это не делает тебя плохой женой или матерью. Ты всего лишь человек, которого предали.

Я сжимаю её руку, чувствуя, как слёзы снова текут по щекам.

- Я так боюсь, мам, - признаюсь я шёпотом. - Что если уйду — не справлюсь одна, или что Даша будет страдать. А может быть, я пожалею о своём решении. А если останусь — сойду с ума от недоверия, и тоже начну сожалеть.

- Это нормально — бояться, - мама гладит меня по голове, как в детстве. - Но ты не одна. У тебя есть я, отец, друзья. И даже если ты решишь уйти — мы поможем.

- Папа… - я сглатываю. - Он не должен знать. Ведь отец его любит. Он не переживёт, если узнает, что Артём… что он…

- Я ничего не скажу отцу, - кивает мама. - Ты сама решишь, когда и как рассказать.

- Спасибо, - шепчу я.

- Не за что. - Она обнимает меня, и я утыкаюсь носом в её плечо, пахнущее стиральным порошком и пирогами. - Ты моя дочь, и я всегда буду с тобой, чтобы ты не решила.

Мы сидим так несколько минут. Я плачу, а она молча гладит меня по спине, не говоря ни слова, потому что иногда лучшая поддержка — это просто быть рядом.

- А сейчас иди спать, - наконец говорит мама. - Уже за полночь. Внучка проснётся рано, тебе нужны силы.

- Я не усну, - качаю головой.

- А ты попробуй. - Она встаёт, забирает пустые кружки. - Ляг, закрой глаза. Если не получится — хотя бы полежишь и отдохнёшь.

Я послушно встаю, иду в свою старую комнату. Мама останавливает меня в дверях.

- Наташ, - зовёт она.

- Да?

- Ты молодец, что приехала и не осталась там одна. Это самое правильное, что ты могла сделать.

Я киваю, не в силах говорить. Ухожу, прикрыв за собой дверь.

Я ложусь на узкую кровать, смотрю в потолок. В комнате пахнет деревом и старыми книгами — запах моего детства. Закрываю глаза и думаю.

Об Артёме. О том, как он сейчас там, с ними. Сидит рядом с мальчиком, которого я не знаю. Держит его за руку, успокаивает, а может быть, и не сидит. Возможно, он уже спит, убаюканный чужим голосом и заботами. Я сжимаю кулаки под одеялом.

- Я не прощу, - шепчу я в темноту. - Никогда.

Но в сердце что-то ноет, тянет, болит, потому что я всё ещё его люблю и семь лет нельзя вычеркнуть за один день. Артём — отец моей дочери, а я до сих пор надеюсь на чудо, которого не будет.

За окном тихо шумит ветер, где-то в доме тикают часы. А я лежу и смотрю в темноту, чувствуя, как внутри меня медленно, но неумолимо что-то умирает.

Глава 9

Семь дней. Я считала каждое мгновение, что молчал телефон.

В первый день я ещё надеялась, думала: ну конечно, он занят. Мальчику же плохо, Артём позвонит, как только всё уладится. Он же обещал — на пару дней. Вернётся, и мы поговорим.

На второй день надежда начала трещать по швам. Я ловила себя на том, что смотрю на телефон каждые пять минут. Проверяю, не пропустила ли звонок. Вдруг звук выключился? Вдруг сеть не ловит? Но нет. Экран был пуст, а комнату заполняла лишь тишина.

На третий день я не выдержала. Взяла телефон, нашла его номер. Палец дрожал над кнопкой вызова. Сердце колотилось где-то в горле.

Гудки сменяли друг друга.

- Абонент не отвечает, или находится вне зоны действия сети. - сказал механический голос.

Я сбросила и набрала снова, но результат был тем же.

«Может, что-то с мальчиком. А, возможно, он просто не хочет со мной говорить» - пронеслось тогда в моих мыслях.

Я отложила телефон и уставилась в окно. За ним было серое небо, моросящий дождь и моя разбитая жизнь.

На четвёртый день я снова позвонила. И в этот раз он

сбросил звонок. Я смотрела на экран, где высветилось: «Вызов завершён», и не верила своим глазам. Артём видел, что я звоню, и намеренно нажал «отклонить».

В груди что-то оборвалось. И тут же вспыхнуло — жаркое, злое, неуправляемое. Я набрала снова. Короткий гудок и сразу — «Абонент временно недоступен».

Он отключил телефон.

Я смотрела на экран, и внутри меня что-то умерло. Не надежда, она уже умерла днём раньше. Что-то другое - вера в то, что он когда-то меня любил, и что наши семь лет что-то значили.

Но на пятый день я снова набрала. Не хотела, запрещала себе, но внутри сидела какая-то глупая, отчаянная надежда, что, может быть вчера была ошибка, или у него села батарея. Но телефон был отключён. Я слушала этот механический голос, который сообщал, что абонент недоступен, и чувствовала, как слёзы текут по щекам. Мне было стыдно за себя, свою слабость, за то, что я позволяю ему так с собой обращаться.

На шестой день я не звонила. Запретила себе даже смотреть в сторону телефона, что лежал в комнате на столе. Но ночью проверила его. Артём не звонил и не писал.

И сегодня, на седьмой день, вновь взяла телефон. Я сидела на крыльце, смотрела, как Дашка играет в песке. И в этот момент услышала шум мотора. Я вскочила и побежала к калитке, забыв про всё на свете. Неужели Артём решил приехать?

Я распахнула калитку и замерла.

Из старого, потрёпанного седана вышла женщина. Стройная, с короткой стрижкой, в джинсах и ярко-красной куртке. Она поправила солнцезащитные очки и улыбнулась.

- Ира? - выдохнула я, и ноги подкосились.

- Привет, подруга, - она раскинула руки, и я бросилась в её объятия.

- Как ты... - я всхлипнула, хотя не плакала. - Как ты узнала?

- Мама твоя позвонила, - Ира отстранилась, заглянула мне в глаза. - Сказала: «Ирочка, приезжай, Наташа себя неважно чувствует». Я и приехала. Четыре часа на трассе, между прочим. Ты меня задолжала.

- Спасибо, - прошептала я. - Ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть.

- Представляю, - она взяла меня под руку. - Пойдём, рассказывай. И не вздумай врать, что всё хорошо. У тебя глаза опухшие. Ты плакала.

- Не плакала, - соврала я.

- Врёшь, - усмехнулась Ира. - Но это потом. Сначала — лес.

- Лес? - не поняла я.

- Грибы, - она кивнула на корзинки, которые мама уже вынесла на крыльцо. - Твоя мама сказала, что тебе надо проветриться. И я с ней согласна.

Мы зашли в дом. Мама обняла Иру, расцеловала в обе

щёки.

- Ирочка, умница, что приехала. Я пирогов напекла, вечером посидите.

- Спасибо, тёть Свет, - Ира чмокнула маму в ответ. - Мы сначала в лес, ладно? А потом с удовольствием.

- Идите, идите, — мама махнула рукой. - Дашку я постерегу.

Мы взяли корзинки и ушли.

Лес встретил нас тишиной, сентябрьским запахом прелых листьев, грибов и влажной земли. Где-то стучал дятел, в кустах шуршало что-то мелкое и пугливое. Мы шли молча. Я смотрела под ноги, переступала через корни, собирала попавшиеся грибы — какие-то червивые, мелкие, неважные. Ира шла рядом и молча ждала.

- Ну? - сказала она, когда мы углубились в лес. - Выкладывай.

- Что выкладывать? - сделала вид, что не понимаю.

- Всё, - она остановилась, повернулась ко мне. - С самого начала. И не смей врать. Я вижу, что ты на пределе.

Я вздохнула. Прислонилась к берёзе. Смотрела вверх, на небо, которое виднелось сквозь кроны. Молчать смысла не было, поэтому и рассказала всё на одном дыхании. Ира молчала и смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

- Ты шутишь? - спросила она наконец.

- Нет.

- Господи, - Ира присела на пенёк, закрыла лицо руками.

- Наташка... как ты вообще?

- А как я могу? - я села рядом, потому что ноги больше не держали. - Меня разрывает на части. Я то ненавижу его, то хочу, чтобы он вернулся. И вообще, чтобы всего этого не было. Я не знаю, что я чувствую.

- А он что? - Ира подняла голову.

- Он уехал, - я пожала плечами. - В тот же вечер ему позвонили, сказали, что сыну плохо. И он уехал. Сказал — на пару дней. И пропал.

- Как пропал?

- А вот так, - я развела руками. - Ни звонка, ни сообщения. Звонила ему несколько раз за эту неделю.

- И?

- Сначала не брал. Потом сбросил. Потом телефон отключил.

- Он отключил телефон? - переспросила Ира. - То есть он специально?

- Не знаю, Ир, - я устало покачала головой. - Специально или случайно, мне уже всё равно.

- Не всё равно, - она взяла меня за руку. - Я вижу. Тебе не всё равно. И что ты будешь делать дальше?

- Съеду, - сказала я твёрдо.

- Съедешь?

- Да. Сниму квартиру. Недалеко от сада и от работы, чтобы Дашка ходила в тот же сад, и я успевала её забирать.

- Ты серьёзно? - Ира смотрела на меня, и в её глазах сме-

шались удивление и восхищение.

- Никогда не была серьёзнее, - я посмотрела ей в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.